

ЭСКАДРОНЫ СМЕРТИ

**НАЁМНИКИ, БАНДИТЫ,
УЛЬТРАПРАВЫЕ**

Коллектив авторов
Марат Владиславович Нигматулин
Эскадроны смерти:
бандиты, наёмники
Серия «Против течения»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70289200

*Эскадроны смерти: бандиты, наёмники / Составитель М. Нигматулин:
ООО «Издательство Родина»; Москва; 2023
ISBN 978-5-00222-186-8*

Аннотация

После успеха Кубинской Революции, по всей Латинской Америке распространились партизанские движения. Местная олигархия и властвовавшая в регионе американская военщина старались всё, чтобы не допустить их успеха. Для борьбы с коммунистическими партизанами были созданы т.н. «эскадроны смерти» – тайные отряды, состоящие из наёмников, бандитов и ультраправых боевиков. В их задачи входила борьба с «красной угрозой», террор против «неблагонадежных» крестьян, убийства неугодных.

Эскадроны смерти прославились невиданной жестокостью, подчас совершенно бессмысленной. Их преступления часто

сравнивали с преступлениями гитлеровских палачей. Зверства эскадронов не прекращались на протяжении более чем полувека. Они оставили чудовищные кровавые раны на теле Колумбии, Сальвадора, Гватемалы, Аргентины и других латиноамериканских стран.

После развала СССР террор «эскадронов» не ушёл в прошлое. После упадка партизанских движений в Латинской Америке «эскадроны» переориентировались на борьбу с мирной оппозицией. Они и сейчас наводят ужас на всю Латинскую Америку.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Александр Барышев	6
Две войны	6
«Мир за счет 100 тысяч мертвецов»	33
700 тысяч «неприкаянных»	42
Фашизм без свастики	49
Штыки олигархов	57
Офицерская каста	68
Школы жестокости	73
Филиал Пентагона	82
Эскадроны головорезов	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Марат Нигматулин

Эскадроны смерти:

бандиты, наёмники

© Нигматулин М., составитель, 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Александр Барышев

«Оборотни»: наёмники и фашисты в Сальвадоре на службе у американского империализма

Две войны

Выстрелы и взрывы бомб вот уже десятый год гремят в Сальвадоре.

В неистребимой памяти человечества трагическим эхом отзываются ставшие синонимом невероятной варварской жестокости, навсегда незарубцевавшимся ранами Орадур и Лидице, Бабий Яр и Сонгми, Сабра и Шатила. В один ряд с ними следует поставить сальвадорские поселки Лас-Аракас, Сан-Висенте, Мирадор, судьба жителей которых была поистине ужасна. Всех их поголовно от мала до велика истребили каратели в мундирах и в штатском.

Никогда еще в Латинской Америке со времен испанской «конкисты» в столь маленькой стране с населением в пять с лишним миллионов человек всего за несколько лет не было загублено так много человеческих жизней. Сегодня мартиролог павших от рук фашиствующей солдатни и распоясав-

шихся бандитов – наймитов олигархии – насчитывает уже более 60 тысяч человек.

От индейцев-ацтеков в доколумбовской Мексике остались человечеству их знаменитые пирамиды. Опекаемая Вашингтоном нынешняя сальвадорская военщина, усердно выдающая «на-гора» человеческие трупы, тоже могла бы войти в историю архитектуры, создав себе памятник – конусообразное сооружение из отрубленных голов (характерный «почерк» сальвадорских «эскадронов смерти»). Он был бы похож на известное полотно художника В. Верещагина «Апофеоз войны»: остроконечные груды человеческих черепов, возводившиеся в древности по прихоти некоторых завоевателей в странах Востока.

Каратели безжалостно убивают крестьян, не щадят женщин, детей, стариков, инвалидов. Невозможно даже бывает найти убежище в церквях, монастырях, школах, больницах. У многих семей часто «пропадают без вести» близкие.

Извечная борьба добра и зла обрела в Сальвадоре едва ли не самые острые и страшные формы. Поражает какой-то не укладывающийся в нормальное человеческое сознание изощренный, кажущийся абсолютно неправдоподобным садизм палачей. Я не могу смотреть без содрогания на фотодокументы об их «подвигах». Отрубленные руки, ноги, головы, вырванные языки, выколотые глаза, вырезанные сердца, содранная с лица кожа, беременные женщины со вспоротыми животами и отрезанными грудями... А рядом обвешанные

американским оружием хохочущие выродки, бравирующие проделанной «работой».

Это не инсценировки фильмов ужасов на американских киностудиях о «зверствах красных», а суровая действительность Сальвадора, запечатленная бесстрастным объективом фотокамеры.

Немного о стране, превратившейся в «юдоль скорби». В руки мне как-то попал старый рекламный ярко-красочный туристский проспект с призывом: «Посетите землю древнего Кускутлана!» Так называло коренное индейское население ту область Центральной Америки, где находится Сальвадор.

Туристы, особенно состоятельные американцы, имеющие автомобили, любили посещать эту страну. Их привлекала, помимо ухоженной тропической экзотики, прекрасная бетонная панамериканская автострада, проходящая по живописному побережью Тихого океана и дополняемая лучшей на всем центральноамериканском перешейке разветвленной сетью асфальтированных шоссеиных дорог.

Цветные снимки проспекта давали представление о «райской стране, где никто не умирает ни от жажды, ни от голода, ни от жары и ни от холода», о прекрасных дворцах в колониальном стиле с зелено-голубыми бассейнами, об удивительно красивых сальвадорских пейзажах, неизменная часть которых – холмы и склоны невысоких горных хребтов, очерченных геометрически правильными конфигурациями плантаций хлопка, сахарного тростника, цитрусовых, бана-

нов и кофейных деревьев, усыпанных белоснежными цветами.

Остальная территория покрыта пастбищами и буйной растительностью джунглей. Встречается в этих зарослях и уникальное, поистине волшебное дерево, дающее коричневую маслянистую нежно пахнущую жидкость – «перуанский бальзам». Автор не ошибся. Именно «перуанский». Это требует пояснения. И даже зная то неодобрение, с которым обычно строгие редакторы книг относятся к уходу в сторону от темы, я все же попытался включить в свое повествование краткий рассказ об этом представителе сальвадорской тропической флоры. Тем более что сами сальвадорцы его очень любят и гордятся им.

Еще в школьные годы, когда я, как и многие мои сверстники, начитавшись романов Жюль Верна, Фенимора Купера, Роберта Стивенсона, грезил о дальних путешествиях, мое воображение захватили связанные с пиратскими историями Центральная Америка и острова Карибского моря. И однажды у знакомого нашей семьи фанатика-филателиста, листая его богатый альбом, я увидел зарубежную почтовую марку, на которой было изображено красивое тропическое дерево.

На первый взгляд, марка ничего особенного не представляла. Но страна! Даже начинающему филателисту было ясно, что марка, как сейчас говорят, – «раритет». Непонятные испанские слова после перевода выстроились во фразу:

«Только Сальвадор производит настоящий бальзам!» Лишь много лет спустя, обратив пристальное внимание на эту далекую страну, маленьким пятнышком вкрапившуюся в одну из карт школьного географического атласа, и начав заниматься Латинской Америкой, я узнал, какая романтическая история скрывалась за этой лаконичной надписью.

Оказалось, что испанские конкистадоры, осваивавшие во главе с Кортесом открытые Колумбом земли, обнаружили во дворце последнего ацтекского вождя в Мексике Куатемока «священное масло». Ацтеки получали его, надрезая кору одного из деревьев, растущих в некоторых районах нынешнего Сальвадора. Эту маслянистую жидкость они использовали для лечения ран, экземы и других кожных заболеваний, хронических болезней желудка, простуды. Облачавшиеся в тяжелые латы завоеватели Нового Света попробовали лечить ею сильно натертые доспехами места на плечах, руках... Целебный эффект был поразительным.

Небольшой пузырек такой жидкости попал как-то и к испанскому королю. При его дворе обратили внимание уже на другое качество бальзама: он распространял удивительно тонкий, нежный и, что главное, стойкий аромат. Незамедлительно его «взяли в дело» парфюмеры. Ароматная жидкость быстро стала товаром дороже золота. Однако дерево, дающее этот бальзам, очевидно, благодаря неповторимым особенностям сальвадорской вулканической почвы, росло только в Сальвадоре вдоль Тихоокеанского побережья. Попытки

разводить его в похожих климатических условиях нигде хороших результатов не дали. Добиться такого качества бальзама не удавалось. Чтобы уберечься от конкурентов и быть монополистами чудесного масла, испанцы сначала тайно переправляли его из Сальвадора в перуанский порт Кальяо. Там его уже открыто грузили как товар, якобы произведенный в Перу, на корабли, бороздившие океанские воды на путях к Европе.

Так «священное масло» ацтеков, добытое в Сальвадоре, несправедливо получило название «перуанский бальзам». Это не могло не обижать сальвадорцев, которые впоследствии старались убедить всех, что именно их страна – истинная родина замечательного дерева, используя для этого и филателию.

Но вернемся к стране. Сальвадор – самая маленькая из всех пяти центральноамериканских республик. Ее образно иногда называют «мизинцем Центральной Америки». Примерно два таких государства могло бы свободно разместиться в Московской области. У выезда с аэродрома Илопанго, неподалеку от сальвадорской столицы, указатель: «До границы 88 километров». В центре Сан-Сальвадора стрелка оповещает: «До восточной границы 126 километров». Такие указатели встречаются повсюду, как бы подчеркивая, что республика очень мала. Путешественники, бывавшие в Сальвадоре, свидетельствовали, что там можно остановиться в любом месте и нигде не почувствуешь одиночества.

Всюду вокруг тебя будут люди. В справочниках указано, что плотность сальвадорского населения достигла 250 человек на один квадратный километр. Это самый высокий показатель для Западного полушария.

Первенство сохраняет Сальвадор и по числу вулканических кратеров на душу населения. Вулканы рассыпаны по сальвадорской земле как горох. Они вошли даже в государственный герб республики, на котором к звездам тянется гряда конусообразных вулканических вершин.

И это не только живописная деталь пейзажа. Облик страны не раз меняли грозные землетрясения. Навсегда исчезали неторопливые реки. Горизонт закрывали новые силуэты. Впадины превращались в озера. Всезнающая статистика подсчитала, что по числу землетрясений Сальвадор тоже занимает одно из первых мест в мире. Его столица за четыре с лишним века своего существования разрушалась и отстраивалась более 10 раз.

Последняя по времени крупная геологическая катастрофа произошла там в октябре 1986 года. Она унесла из жизни 3000 человек, 10 тысяч получили ранения, 40 тысяч остались без крова. 80 процентов зданий в Сан-Сальвадоре и треть экономического потенциала страны оказались разрушенными.

Следует заметить: что касается землетрясений и вулканической деятельности, Сальвадор немногим отличается от других стран Латинской Америки. В этой части нашей пла-

неты, начиная от Огненной Земли за Магеллановым проливом и кончая Мексикой, перед Гефестом все равны. Исключений не бывает. Меняется лишь очередность в зависимости от настроения вулканов.

Но будем справедливы к богу древних греков. Вулканический пепел и раскаленная лава, столько раз приносившие сальвадорцам смерть и разрушения, сделали в то же время их землю самой плодородной в Латинской Америке. «Воткни палку, и вырастет кофейное дерево», – говорят о своих почвах сальвадорские крестьяне. Под лучами тропического солнца, при удивительно благоприятных природных условиях на кофейных плантациях Сальвадора вызревают самые редкие, лучшие из лучших в мире сорта кофе. За это маленькую центральноамериканскую республику стали называть «страной золотых зерен».

Так Гефест ли главный враг сальвадорцев? Вовсе нет! Все их беды от тех, кто прибрал к своим рукам производство главной сельскохозяйственной культуры – кофе, от горстки кофейных магнатов и от их алчных американских партнеров. Этот ненасытный тандем десятилетиями терзает сальвадорский народ, как испанские колонизаторы – стволы бальзамового дерева. Однако если испанцы, назвав сальвадорский бальзам «перуанским», вывозили его из Сальвадора тайно, то новые «конкистадоры» с Севера, грузя мешки с душистым сырьем в портах на Тихоокеанском побережье, считали излишним маскировать грабеж сальвадорского народа. Зеле-

новатые долларовые ассигнации, вырученные после продажи кофе на рынках США, текли в бронированные сейфы американских компаний, специализирующихся на торговле кофе, и сальвадорских кофейных супермагнатов и их партнеров поменьше «калибром», а выращенные трудом сальвадорских крестьян чудесные зерна продолжали все в больших количествах уплывать в трюмах зафрахтованных американскими фирмами кораблей. Вместе с ними – из года в год – уплывали и надежды на то, что беспросветная жизнь сельских тружеников Сальвадора может измениться к лучшему. Ведь миллионы долларов, получаемые за их непосильный труд, почти все присваивались крупными землевладельцами, их угнетателями.

В результате пропасть между богатством правящей верхушки и жалким существованием народных масс достигла невероятных размеров. Экзотические дары сальвадорской земли не привели к всеобщему процветанию. Исключительно богатая, она тем не менее не может накормить своих детей. Для рядового сальвадорца обувь, одежда, элементарно сносное жилище – проблемы. Подавляющее большинство сальвадорских трудящихся ютится в убогих лачугах, бараках, хижинах, сколоченных из любого подвернувшегося под руку строительного материала: фанеры, картона, жести... (Для фотоснимков таких «дворцов» в рекламном туристическом проспекте, о котором говорилось выше, места, конечно, не нашлось.)

Социальное неравенство, кричащий контраст беспроектной нищеты и баснословной роскоши не могли не вызывать протеста. В народных массах росло понимание того, что если бы природные богатства страны использовались в интересах всех граждан, то сальвадорцы могли бы жить несравненно лучше, что этому мешает кучка крупных землевладельцев, монопольно распоряжающаяся и пользующаяся дарами природы и плодами человеческого труда.

Все более бедственное положение трудящихся вызвало обострение классовой борьбы. Учащались выступления крестьян и батраков, они жестоко подавлялись. История Сальвадора заполнена социальными потрясениями, оставлявшими каждый раз куда более глубокий след в жизни народа, чем бунтующие недра.

Нынешние события в стране – реакция господствующих классов, сосущих кровь рядовых тружеников, на их протест. Это они, эти классы, с помощью Вашингтона пустили в ход «конвейер смерти». Вашингтон, после того как никарагуанские патриоты дали пинка его наиболее верному цепному псу в Центральной Америке, вознамерился любой ценой взять реванш на сальвадорской земле. Именно на берегах Потомака находятся те, кто снабжает карателей оружием, дает им деньги, оказывает им всестороннюю политическую и дипломатическую поддержку, продлевая существование прогнившего тиранического режима.

«Мизинец Центральной Америки» стал одной из самых

болевых точек нашей планеты, ее нервным узлом. 13 из 14 его департаментов фактически охвачены войной. В когда-то воспетых сальвадорскими поэтами и отдающих убаюкивающей нежностью названиях Морасан, Чалатенанго, Санта-Ана слышатся не музыка и поэзия, а предсмертные крики детей, вопли женщин, треск автоматных очередей...

Под этот аккомпанемент американская администрация превратила Сальвадор в полигон для испытания различных империалистических доктрин и тактик. Как старых, модернизированных, так и новых. Сколько их было? Много. Суть же неизменно оставалась одна – более или менее открытое оправдание террора. Когда в Вашингтоне рождалась очередная доктрина, ее предшественница не списывалась в архив, а лишь временно клалась под сукно, ждала своего часа и вступала в действие в зависимости от тактики империализма в тот или иной момент.

Еще в годы грязной войны во Вьетнаме появилась так называемая «теория домино». Ничего общего с популярной игрой она не имела. Просто Вашингтон с имперским пренебрежением уподоблял независимые государства костяшкам домино, поставленным друг с другом «на попа». В случае, если падает одна, говорили стратеги из Пентагона, неизбежно должны упасть и другие. Если одна страна станет «красной», вслед за ней «падут» и другие близлежащие страны.

Исходя из этого примитивного постулата, хозяин Белого дома, едва войдя в президентский Овальный кабинет в ян-

варе 1981 года, потребовал, чтобы ему принесли среди «горячих досье» папку с сальвадорскими материалами. Изучив их, он сразу же объявил Сальвадор «полем сражения с международным коммунизмом». Схватку между сальвадорским народом и реакцией начали выдавать за «столкновение глобальных сил», «противостояние в мировом масштабе» социализма и капитализма. Сальвадор не должен стать вторым Никарагуа – дружно витийствовали деятели рейгановской администрации, перепевая зады «теории домино». На карту поставлена, мол, безопасность Соединенных Штатов. Если правящий режим Сальвадора падет, опасность нависнет над всей Центральной Америкой. В Гватемале усилится война у мексиканской границы. А Мексика, как известно, граничит с Техасом. Так, по мере падения одной за другой «костяшек домино», самый центр Америки «окажется в пределах досягаемости пушек противника».

Уже в начале 1981 года Рейган поспешил приписать Советскому Союзу намерение «установить мировое господство». А тогдашний глава американского внешнеполитического ведомства Хейг стал утверждать, что национально-освободительное движение – это не что иное, как «международный терроризм». И «поощряет, организует, финансирует» его Советский Союз! Развивая этот, с позволения сказать, «тезис», государственный секретарь США сделал затем программное заявление. Поставив знак равенства между борьбой народов за национальное освобождение и

террористическими акциями, он провозгласил, что отныне противодействие «международному терроризму» займет в американской политике место «политики защиты прав человека» предшественника Рейгана Картера. Так был взят курс на всемерное укрепление карательно-репрессивных аппаратов «дружественных» США государств к югу от Рио-Гранде.

Очередная политическая доктрина американского империализма появилась во второй срок пребывания Рейгана в Белом доме – «доктрина неоглобализма». Под лозунгом «защиты демократии» доктрина неоглобализма предусматривает конкретные мероприятия по военной и политической поддержке репрессивных проамериканских режимов, против которых выступают патриотические силы, по американской терминологии «террористические».

По сути дела, составной частью новой доктрины стала и так называемая «теория конфликтов низкой интенсивности», рожденная в кабинетах Пентагона. Провоцирование таких конфликтов считается наиболее «дешевой» политикой, не связанной с «крупным риском», которая позволит шаг за шагом свести на нет успехи антиимпериалистических сил. Сторонники этой теории надеются, что «низкая интенсивность» – война новейшим американским оружием чужими руками: «контрас» в Никарагуа или «эскадроны смерти» и каратели в мундирах в Сальвадоре – стратегически окажется эффективной.

Небезынтересна казуистика американских апологетов на-

силия, рядящихся в тогу «защитников демократии». Они договариваются до того, что «подрывные элементы»-де идут на «терроризм» специально (!), чтобы «спровоцировать эксцессы со стороны властей и тем самым вызвать поляризацию общественного мнения внутри страны и во всем мире». Вот как! В «эксцессах», оказывается, виноваты сами их жертвы.

Есть в США и деятели, которые прямо призывают считать такие «эксцессы» неизбежным злом. Цель, мол, оправдывает средства, какими бы они ни были. Ведь идет «борьба за демократию, против красного тоталитаризма», и надо спасать сальвадорцев даже вопреки их желанию. Особенно тех, которые несмыслены, как дети, которые слепы и не видят нависшей над ними «красной опасности».

И их спасают. Спасают, как спасал печально знаменитый испанский инквизитор средних веков Игнатий Лойола подготавливаемых еретиков: сжигал заживо, чтобы очистить их души. Кто является основным объектом операций по «спасению», видно из того факта, что девять американских пуль из десяти, поступающих в Сальвадор, убивают не бойцов повстанческих отрядов, а детей, женщин, стариков, незащищенное население.

Однако было бы упрощением считать, что Вашингтон видел и видит только в терроре путь к сохранению своего господства в Сальвадоре и делает ставку исключительно на насилие. Обстановка в Латинской Америке, мировое общественное мнение все в большей степени заставляют правя-

щие круги США вносить коррективы в силовой курс, который сужает возможности политического маневрирования. Особенно во второй срок пребывания в Белом доме. Рейган использовал каждый случай, чтобы провозгласить себя «поборником демократических перемен» на континенте в целом и в Сальвадоре в частности. Добиваться старых целей не эскалацией репрессий, а более либеральными методами становится сейчас объективно необходимым, чтобы не компрометировать американскую политику в этом регионе. Прагматики в правительственных кабинетах США рассуждают теперь так: если социальные перемены неизбежны, то реалистический курс – направить их в такое русло, которое позволит США сохранить здесь политические, экономические и военные позиции, модернизировать сальвадорский режим по американским сценариям.

Поставив перед собой такую цель и в то же время решив во что бы то ни стало ликвидировать достигнутые повстанческим движением успехи, задушить его, администрация Рейгана активизировала маскировочную «игру в демократию». Больше внимания стало уделяться политической бутафории. Смена декораций на мрачном фасаде военно-полицейского режима диктовалась также и необходимостью успокоить часть американских конгрессменов, выразивших тревогу в связи с эскалацией вмешательства США в Сальвадоре, что напоминало им вьетнамские события.

Начиная с 1982 года новая идея реализовывалась в орга-

низации целого «сериала» выборов фарсов в Сальвадоре (выборы в Конституционную ассамблею, президентские выборы в несколько туров, муниципальные выборы...), каждая часть которого неизменно с большой помпой выдавалась за торжество демократии.

От таких «выборов», разумеется, всегда отстранялись все подлинно демократические силы, которым прикреплялся ярлык «красных», «просоветских» или «прокубинских» только за то, что они выступили против засилья олигархии, террора властей и неоколониалистского господства североамериканских хозяев. Нужные результаты этих избирательных «состязаний» всегда гарантировались фальсификацией и массовыми репрессиями армии, полиции и «эскадронов смерти» против инакомыслящих. Когда в Вашингтоне был перебран весь сальвадорский «кадровый пасьянс» после умело организованных предвыборных «дерби» главных «фаворитов» – представителей правых и ультраправых политических сил – на политической авансцене Сальвадора в первой роли оказался лидер правых христианских демократов Хосе Наполеон Дуарте. 16 мая 1984 года Центральный избирательный совет Сальвадора утвердил его победу на «выборах президента». «Демократ» Дуарте больше подходил Белому дому, чем его главный соперник откровенный фашист д'Обюссон.

С приходом Дуарте к власти политике Вашингтона в Сальвадоре в целом стало более присуще стремление увязать на-

силе, существование репрессивного аппарата, армии, ведущей войну со своим народом, с планами верхушечной показной либерализации режима, призванными ослабить социальную напряженность и обеспечить политическую стабильность. В Белом доме поняли, что открыто реакционный курс ультраправых может серьезно помешать администрации проталкивать через конгресс экономическую и военную помощь сальвадорским властям. Уже после выборов еще более четко определилась линия США на поддержку правоцентристского руководящего звена христианско-демократической партии и тактический отход от ультраправых группировок, открыто выступающих за ужесточение террора против прогрессивных сил, возражающих даже против создания видимости демократии. Ведь террор «эскадронов смерти» был нежелательным для Вашингтона фоном, на котором разворачивалась организованная по американским сценариям «демократизация» в Сальвадоре. В то же время, разумеется, США не порывали своих тайных связей с ультраправыми, чтобы использовать их в военных и политических интригах и по-прежнему ориентировать сальвадорскую машину подавления на физическое уничтожение повстанцев.

Все это и определило специфику нынешнего Сальвадора: при разгуле насилия, уровень которого то повышается, то понижается, в стране вот уже четыре года существует конституционная власть. Однако когда бывает необходимо обуздать ультраправых, она большей частью оказывается бессильной.

Контроль за положением то и дело ускользает из ее рук из-за того, что она подвергается неослабевающему давлению реакции. Христианско-демократическому руководству иногда даже удастся устранить из правительственного и военного аппарата наиболее одиозных реакционеров. Однако в целом такие частичные меры оказываются малоэффективными. Террор продолжается.

Что касается самого Дуарте, он далеко не новичок на авансцене политической жизни страны. Некогда – в 70-е годы – он сам и созданная им христианско-демократическая партия даже боролись вместе с другими оппозиционными силами против правых военных режимов. Это принесло ему определенную популярность и репутацию демократа. Однако все это он принес в жертву личным амбициям и стремлению к власти, когда принял предложение олигархии возглавить в 1980 году правительство, в котором принимали участие и его бывшие противники – из кругов реакционной военщины. В 1980–1982 годах, находясь у власти, Дуарте своим авторитетом фактически прикрывал развязанный реакционной военщиной геноцид. Теперь же, «пропущенный через выборы» в президентское кресло, он старается соблюдать респектабельность, следуя советам своих американских опекунов.

Но Дуарте и представители правых демохристиан, руководящие сейчас Сальвадором, те из них, кто и хотели бы избегать репрессий, делающих обстановку еще более напряженной и взрывоопасной, кто являются сторонниками про-

ведения некоторых реформ, дабы как-то умиротворить страну, оказываются не в состоянии провести их. «Нью-Йорк таймс» в марте 1987 года писала в связи с этим: «По общему мнению, президент Дуарте оказался слабым национальным лидером... По мнению большинства информированных наблюдателей, он не обладает политической силой, чтобы начать осуществление эффективных программ до окончания срока своих полномочий в 1989 году».

Каждый раз такие попытки встречаются в штыки ультраправой реакцией, за которой стоят 14 олигархических семейств, толкающих военных на развязывание истребительной войны против собственного народа.

Твердолобым ультра в рядах сальвадорской реакции – земельной олигархии, крайне правым партиям и кастовой военизированной – и американский прагматизм, и умеренность и реформизм Дуарте представляются «крамольными». На этой почве возникло даже некоторое отчуждение между Вашингтоном и сальвадорскими ультраправыми, теми, кто пытается вернуть страну к прошлому, к открытой террористической военной диктатуре. (Это, конечно, не относится к самым правофлангов.

Сейчас в Сальвадоре, с одной стороны, нарастает мощная оппозиция режиму народных масс, в дополнение к повстанческим организациям созданся Национальный союз трудящихся, в борьбу включились профсоюзное, студенческое движения, гуманитарные организации. С другой же сторо-

ны, усиливается давление на правительство ультраправых, сумевших привлечь в свой лагерь значительную часть мелкой буржуазии, пострадавшей от экономического кризиса и недовольной тем, что Дуарте не выполнил обещание восстановить экономику. Они обрушиваются на Дуарте за то, что он не смог «навести порядок» и подавить повстанцев. Ему вменяют в вину и углубляющийся вследствие продолжения военных действий экономический кризис. В результате демокристианский президент оказался между «двух огней», в изоляции. И круг этой изоляции неуклонно сужается и справа и слева.

На активизацию действий ультра и карателей в мундирах повстанцы отвечают все более мощными ударами. Под влиянием никарагуанской революции еще при Картере в апреле 1980 года на политической арене Сальвадора появился Революционно-демократический фронт (РДФ). В него вошло более 20 организаций различных идеологических и политических направлений: крестьянские ассоциации, студенческие общества, профсоюзы, социал-демократы... К Фронту прикнула и большая часть членов христианско-демократической партии, не согласных с капитулянтской и соглашательской политикой своих правых лидеров, а также демократически настроенные военные. Этот Фронт стал крупнейшей политической силой в стране. Его влияние начало распространяться и на средние слои населения.

Параллельно с консолидацией антидиктаторских сил на

политической арене спланировали свои ряды партизаны, их военно-политические организации. В октябре 1980 года было объявлено об их объединении во Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНОФМ), который стал, по сути дела, повстанческой армией. При нем были созданы объединенный штаб и вспомогательные объединенные отделы.

В августе 1981 года ФНОФМ – РДФ опубликовали проект совместной программы, носящий антиолигархический и антиимпериалистический характер. Обе организации находятся в постоянном контакте, согласовывают свою политико-дипломатическую работу за рубежом.

Война в Сальвадоре – это война без линии фронта. Зоны боевых действий не имеют четких границ. Они то увеличиваются, то сокращаются – в зависимости от акций регулярной армии или от перегруппировки партизан. Уже к середине 1982 года определились три зоны в стране: территория, контролируемая ФНОФМ, промежуточная «ничейная зона» и зона, находящаяся под контролем правительственных войск. Корреспондент французской газеты «Монд», побывавший в зоне, контролируемой ФНОФМ, писал: «Как только пересекаешь линию раздела – впрочем, нечеткую и меняющуюся, – попадаешь в другой мир, в котором свои законы, своя армия, своя церковь, своя экономика, своя система здравоохранения и даже свое радио. Это нечто большее, чем вторая власть, речь идет о втором обществе». ФНОФМ

уже длительное время прочно удерживает контроль над 1/4 территории страны. Зона, контролируемая правительственными войсками, неуклонно уменьшается. Все попытки вооруженных до зубов карателей добиться перелома в ходе войны оказываются безуспешными.

Географические условия, отсутствие больших горных массивов, развитая дорожная сеть, позволяющая быстро перебрасывать карателей из одного района в другой, высокая плотность населения, заставляющая партизан проводить операции осторожно, чтобы не нанести ущерб местным жителям, – все это затрудняет действия патриотов. Тем не менее при широкой поддержке масс повстанческая армия нападает на полицейские участки, атакует части регулярной армии и подразделения сил безопасности и полиции, взрывает мосты, разворачивает иногда крупномасштабные наступления.

Солдаты регулярной армии не рискуют появляться в местах, где наверняка встретят сопротивление. Проявляя «смелость» лишь в «боях» с мирным населением, они довольно часто обманывают свое начальство, не выполняют задачи, а то и симулируют бой, стреляют в воздух и возвращаются в казармы.

Нередко дезертирство. Даже офицеры, командующие подразделениями, случается, убегают, бросая солдат, когда убеждаются в неизбежности разгрома партизанами. Все чаще солдаты правительственной армии сдаются в плен, осо-

бенно из числа новобранцев, которые не успели еще обогреть свои руки кровью соотечественников – мирных жителей. Этому способствует гуманное обращение партизан с пленными. Высокий моральный облик патриотов противопоставит низости и жестокости карателей. Не случайно 10–12 человек из каждых 100 пленных решали остаться в рядах партизан.

Ведя боевые действия, сальвадорские повстанцы в то же время всеми силами стремятся покончить с войной. На это направлены проникнутые конструктивным подходом и реализмом предложения ФНОФМ – РДФ создать правительство при широком участии народа, которое провело бы в стране подлинно свободные всеобщие выборы.

В 1987 году Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти и Революционно-демократический фронт Сальвадора выступили с новыми предложениями, цель которых – защитить гражданское население от репрессивных акций. План, выдвинутый патриотами, содержал требование о прекращении бомбардировок населенных пунктов, использования дальнобойной артиллерии и всех видов мин. В заявлении подчеркивалась необходимость вывода американских военных советников из Сальвадора и невмешательства США во внутренние дела страны. ФНОФМ и РДФ потребовали от властей Сальвадора освободить политзаключенных, искоренить практику пыток, похищений и преследование оппозиционных деятелей.

Своей гибкостью и объективностью патриоты открывают путь к политическому урегулированию. Но Вашингтон вознамерился во что бы то ни стало заставить повстанческое движение «сложить оружие» и принять участие в «демократическом процессе», что на деле выльется в физическое уничтожение патриотов уже не на поле боя, а в застенках, куда их незамедлительно бросят.

После подписания в Гватемале президентами пяти центральноамериканских республик в августе 1987 года соглашения «Пути установления прочного и длительного мира в Центральной Америке» правительство Дуарте решило под видом выполнения гватемальских договоренностей выправить неблагоприятно складывающееся для него военно-политическое положение. Оно объявило амнистию политическим заключенным. Были созданы две комиссии, одна из которых должна была контролировать поэтапное прекращение огня обеими сторонами, другая – выполнение остальных пунктов гватемальских соглашений. Начались контакты с представителями Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти.

Однако прекращение огня правительственными войсками оказалось лишь маневром. Дуарте был вынужден пойти на встречу с патриотами не в силу готовности продвинуться вперед по пути урегулирования национального кризиса, а чтобы создать видимость выполнения гватемальских соглашений для прикрытия подготовки к новой эскалации боевых

действий против патриотов. В период встречи и сразу же после нее были осуществлены переброски правительственных войск в контролируемые повстанцами районы. Одновременно активизировали свою деятельность при попустительстве властей «эскадроны смерти». Молодчики из этих эскадронов убили председателя комиссии по правам человека Э. Анайю. Двое неизвестных расстреляли его в упор, когда он вышел из дома, чтобы отвести пятерых детей в школу. В заявлении комиссии подчеркивалось, что ответственность за совершенное преступление падает на правящие круги Сальвадора. Убийцы Э. Анайи – члены «эскадронов смерти», тесно связанные с режимом Дуарте и военным командованием, указывалось в документе. По имеющимся данным, Анайя в течение последних месяцев неоднократно получал анонимные угрозы в свой адрес.

Учитывая все это, ФНОФМ принял решение отказаться от участия во встрече с представителями режима в начале ноября 1987 года через посредников в Мексике. В ответ Дуарте незамедлительно обвинил Фронт в срыве процесса мирного урегулирования, а Никарагуа – в том, что она продолжает вооружать сальвадорских партизан и нарушает там самый план по установлению мира в регионе.

В статьях о Сальвадоре схватку народа с реакцией часто называют гражданской войной. Автор не хотел бы такими словами определять суть событий в этой стране. Понятие «гражданская война» подразумевает раскол нации. Но

ведь в Сальвадоре практически весь народ объединен общей ненавистью к репрессивным проамериканским властям, и совершенно очевидно, что, кстати, признают и американские руководители, если бы не внешняя помощь, то правящая сальвадорская клика, которая представляет интересы горстки кофейных магнатов и финансовых олигархов, коррумпированных военных и крупных промышленников, – эта клика долго бы не продержалась.¹

И конечно же, не выдерживают никакой критики встречающиеся иногда в западной прессе утверждения, что для Сальвадора якобы всегда было «характерно разнузданное насилие правых и левых», что оно «в крови у сальвадорцев», ведущих какую-то нескончаемую «хаотическую войну всех против всех». Все, разумеется, не так. Четко и емко смысл

¹ Здесь автор (или, возможно, его редакторы из издательства «Советская Россия») демонстрирует типичное для позднесоветского периода стремление, с одной стороны, вроде бы сохранить антиимпериалистические установки, а с другой – затушевать (в духе пресловутого «общенародного государства») *классовый* характер конфликта. В реальности, разумеется, в Сальвадоре шла *классовая гражданская война* – и с одной стороны в ней участвовали *угнетенные* классы и их военно-политические организации, а с другой – классы *угнетателей* и представлявшие их буржуазное государство и соответствующие партии и военизированные группы. Смешно писать о «горстке кофейных магнатов и финансовых олигархов», если известно, что основная масса рядовых членов фашистских организаций и «эскадронов смерти» (помимо военных и уголовников) происходила из семей средней и мелкой буржуазии, владельцев магазинов, бензоколонок, автотранспортных предприятий, строительных фирм, относительно небольших плантаций и т. п., а также из среды городского «среднего класса», и многие из них были связаны клиентельными отношениями с правящей олигархией.

происходящего выразил руководитель сальвадорских коммунистов Шафик Хорхе Хандаль: «В Сальвадоре сейчас ведутся две войны: истребительная, несправедливая война североамериканского империализма и местной реакции против нашего народа, а с другой стороны – справедливая война сальвадорской нации за освобождение от жестокого, почти пятидесятилетнего гнета правой диктатуры, за демократические свободы, независимость и социальную справедливость».

Первую войну, которая являет собой еще одно свидетельство лицемерия политики Вашингтона, не устающего вещать о «защите прав человека» и в то же время помогающего сальвадорским репрессивным властям, осуждают люди доброй воли. Со второй – солидарны все подлинные поборники человеческих прав.

«Мир за счет 100 тысяч мертвецов»

Такая формула – не вымысел, чтобы сгустить краски. Это – программа действий сальвадорской реакции, провозглашенная ее правофланговым, махровым фашистом Роберто д'Обюссоном. И она реализуется уже девятый год. Одно из многочисленных свидетельств этого – обсуждение доклада-отчета Сальвадора на 29-й сессии Комитета по правам человека в апреле 1987 года в Женеве. Комитет пришел тогда к выводу, что «правительство президента Хосе Наполеона Дуарте, „эскадроны смерти“ постоянно и в массовом порядке грубо нарушают элементарные права человека, и прежде всего право на жизнь». Было констатировано, что «в Сальвадоре продолжают произвольные аресты, пытки и бесчеловечное обращение с арестованными патриотами и борцами за права человека». В Сальвадоре уже стала редкостью возможность умереть собственной смертью, говорят приезжим жители столицы. Сальвадорская комиссия по правам человека отмечала: «В Сальвадоре жизнь – исключение, а смерть – правило».

«Жить бок о бок со смертью. Жить рядом со смертью других, которую видишь каждый день. Трупы, друзья, пропавшие без вести, а иногда приходится видеть, как у тебя на глазах убивают прохожего. Продолжать, несмотря на угрозы смерти, засыпать, не зная, проснешься ли. Вставать со стра-

хом, что не удастся дожить до конца дня. Но все же есть, работать, жить, двигаться, любить и даже развлекаться – повседневная жизнь здесь является неуволимой смесью естественного и насилия», – писал о своем пребывании в Сальвадоре корреспондент французской газеты «Монд».

Тем, кому доводилось бывать в Сальвадоре, рассказывали, что улицы его столицы представляют мрачное зрелище. Построенные в прошлом десятилетии огромные современные магазины в стиле «общества потребления» – с грандиозными открытыми стеклянными витринами, специально предназначенными для широкой торговли, – превратились в замурованные сейфы. Там, где сверкали зеркала, высятся бетонные стены. Витрин осталось мало, дома буржуазии превращены в крепости. Отцы состоятельных семейств отправили своих домочадцев за границу.

С наступлением темноты жители города затворяются накрепко и не откликаются ни на крики о помощи, ни тем более на выстрелы. Часто глубокой ночью тишину столичных улиц будоражит рев автомобильных моторов, запоздалых прохожих слепит яркий свет фар. Это проносятся кавалькады машин с солдатами. Улицы районов, в которых проживает средний класс, патрулируют машины с национальными гвардейцами и полицейскими, вооруженными автоматическими винтовками. В городах и деревнях, на улицах, в кафе, в автобусах, на предприятиях, в учреждениях снуют шпики и осведомители, совершают налеты бандиты

из «эскадронов смерти».

Вот что писала Марта Геллхорн, специальная корреспондентка английского еженедельника «Нью стейтсмен», посетившая Сальвадор в ходе своей поездки весной 1986 года по Центральной Америке: «Опасность подстерегает на каждом шагу. Она приходит без предупреждения, как бы ниоткуда. Полиция охотится по своему усмотрению и днем и ночью. Американское правительство, казначей этой большой страны, не могло защитить здесь даже собственных граждан».

Сальвадорцы считают, что смерть от пули выпадает лишь «счастливчикам». Достоянием гласности уже давно стали подробности чудовищных пыток и садистских казней в застенках. Что ни случай, то не просто убийство, а дикий разнузданный садизм. Жертвы рубят на куски, кастрируют мужчин, нередко насилуют женщин, вспарывают им животы, обливают кислотой или бензином, устраивая потом из них живые факелы. Рубить головы у убитых – характерный почерк сальвадорских палачей. Иногда это делается, чтобы замести следы. Часто пытаются, убивают, похищают тех, кто не связан с партизанами.

В Сальвадоре считается почти преступлением быть молодым, рассказывала журналистам одна крестьянка. За это арестовывают, пытаются, не верят, что человек может не быть партизаном, в конце концов убивают. Вначале убивали юношей. Потом стали убивать подростков. Затем и маленьких детей. Не только мальчиков, но и девочек. Ведь девочки вырастут,

родят мальчиков, и те пойдут в партизаны. Простая логика, да и сами женщины иногда воюют...

Из страха жертвы насилия или их родственники хранят молчание и не сообщают о беззакониях. Если судьи и следователи всерьез возьмутся за то или иное дело, то они рискуют, как это не раз было с многими из них, что их обезглавленные трупы окажутся на мусорной свалке.

В то же время, с подсказки пентагоновских наставников, сальвадорская полиция распространяет лживые заявления о «левых террористических организациях», под которыми репрессивные власти подразумевают борцов за свободу и демократию, приписывая им свои преступления.

Трудно представить более гнусную ложь. Свидетельские показания, рассказы очевидцев, с которыми автор встречался лично, документы различных организаций, публикации из влиятельных органов западной буржуазной прессы, включая и американскую, использованные при работе над этой книгой, убедительно опровергают подобные чудовищные измышления. Этих свидетельских показаний и материалов много. Очень много. Хотя далеко не все из творимого сальвадорской солдатней и «эскадронами смерти» становится известным. Каждое их преступление похоже одно на другое. У палачей ведь выработан один «ритуал», один «почерк», одна манера действий, где бы они ни свирепствовали. Чувствуется одна школа. Приведу лишь некоторые отрывки из рассказанного в последние годы на страницах мировой

печати журналистами, побывавшими в Сальвадоре.

Журнал «Нью стейтсмен» (Англия): «Однажды вечером дети, роясь в отбросах на мусорной свалке, нашли труп. В этом нет ничего необычного. И в том, что труп был обезображен, тоже нет ничего из ряда вон выходящего. Однако зрелище, представшее на этот раз перед глазами детей, было делом рук обладателей особенно изощренного дьявольского воображения: у беременной женщины был вспорот живот, плод оттуда вырван, а вместо него засунута голова ее убитого возлюбленного».

Еженедельник «Нувель обсерватер» (Франция): «Эти четыре головы были отрезаны пилой. Они расставлены так, что получился квадрат. Со времен зверств в Кампучии никто из присутствовавших журналистов, никто из добровольной организации „Врачи мира“ не видел такой ужасной картины».

«Франкфуртер рундшау» (ФРГ). Из свидетельских показаний: «Я, Флор Мария Диас, 37 лет, портниха. Шью в основном по ночам, а днем занимаюсь домашними делами... Едва ли найдется хоть один честный сальвадорец, который бы не стал жертвой насилия, истязаний или пыток. Одна женщина была изнасилована пятьюдесятью солдатами. Ее хотели вынудить донести на своих родителей. Другая была ранена из огнестрельного оружия. Перед этим солдаты изнасиловали ее, держали у себя пять дней, а затем куда-то увезли. Подростка пятнадцати лет военные схватили в сельской местности, втащили его в вертолет и потребовали показать им, где

находятся убежища партизан. Затем они выбросили его из летящего вертолета».

А вот история Франциски Миранды, долгое время ходившей по авеню Америка в Сан-Сальвадоре и фальшиво игравшей на губной гармонике. Несчастливая женщина объясняла, что таким образом она звала своих детей и беседовала с ними. Миранда лишилась рассудка после того, как ворвавшиеся ночью в ее дом бандиты из «эскадронов смерти» захватили из постели ее сыновей – учителя музыки и студента факультета искусств, завязали им глаза, надели наручники и пригрозили: «Теперь-то мы вас прикончим, сукины дети!» После обоих уволокли из дома.

Семь дней подряд Миранда искала своих детей в каждой казарме, в каждом учреждении. Ее поиски завершились в одном из похоронных бюро, которое обнаружило трупы обоих исчезнувших ее сыновей – со снятыми скальпами, со следами ожогов от кислоты, со сломанными руками и отрезанными носами.

Какое мужество надо иметь, чтобы в нынешнем Сальвадоре вести борьбу за права человека! И эту борьбу ведут сальвадорские патриоты. Пойдя на вызов властям, которые учредили по указаниям из Вашингтона официальную комиссию «по правам человека» (характерно, что среди ее руководителей оказался шеф национальной полиции Лопес Нуила, связанный с «эскадронами смерти»), они создали свою «Национальную комиссию по правам человека» для разоб-

лечения преступлений властей и ультраправых банд. Эта комиссия требует освобождения политзаключенных, ищет «пропавших без вести», привлекает внимание общественности к творимым беззакониям. Членов комиссии постоянно преследуют. Им открыто угрожают расправой. Часто угрозы приводятся в исполнение. Рамон Вальядорес, Мария Магдалена Энрике и многие другие активисты и руководители комиссии были убиты. В своей штаб-квартире, которая располагается рядом со зданием архиепископства, члены комиссии ежедневно принимают людей. Здесь выстраиваются очереди потерявших близких. Члены комиссии часами печатают на машинках повседневную трагическую хронику, принимают иностранных корреспондентов.

Вот что рассказал им уже похищавшийся юрист комиссии Эрберт Эрнесто Санабрия:

«Все активисты и руководители гуманитарных организаций рано или поздно проходят через тюрьмы. Трое наших товарищей пропали без вести. Если меня еще раз похитят, тоже пропаду без вести. Но мы все предусмотрели. У нас есть резервные кадры. Люди могут исчезнуть, но не исчезнет наша борьба». Эрберт Эрнесто Санабрия, побывавший в столичной тюрьме «Мариана», вспоминал: «Похитители всегда пользуются одними и теми же методами: сделать так, чтобы пленник не знал, кто его схватил, обвинить в принадлежности к партизанам, допрашивать раздетым и с завязанными глазами. В течение нескольких дней я не ел, не пил, не

спал, не мог ходить в туалет. Они стремятся сломить тебя и чередуют психологические пытки с физическими. Тебя избивают, грозят убить членов твоей семьи, унижают до тех пор, пока ты не потеряешь сознание. Имитируют расстрел, ты слышишь, как щелкает затвор».

Рассказать о всех жертвах террора в Сальвадоре, разумеется, невозможно. Это было бы множество объемистых томов. Да и не все еще известно. Палачи, особенно в последнее время, тщательно стараются скрывать следы своих преступлений, устраивают тайные кладбища, где хоронят убитых и замученных во время допросов.

Впервые обобщенные данные о совершенных в Сальвадоре массовых расправах были приведены в Женеве в феврале – марте 1982 года, когда там проходила 38-я сессия Комиссии ООН по правам человека, на которой обсуждались нарушения прав человека в этой стране. Уже тогда выявилась сальвадорская динамика смерти: 1980 год – от 8 до 12 тысяч убитых, 11 месяцев 1981 года – 12 тысяч.

Год за годом после этого Генеральная Ассамблея ООН признает в своих резолюциях, что в Сальвадоре имеют место массовые нарушения прав человека, призывает прекратить военную помощь, которая затягивает и углубляет войну.

Однако террор продолжается, то затихая, то усиливаясь. Продолжается потому, что нужен режиму и стоящему за ним Вашингтону. Нужен, чтобы внушить сальвадорским трудящимся бесперспективность любых попыток изменить суще-

ствующее положение вещей, парализовать их волю к борьбе, оттолкнуть от размышлений над общественными проблемами. Страх, подобно парализующему газу, залезает в каждый дом, насаждается среди населения сознательно. Ведь уstraшенного, испуганного человека, не чувствующего себя в безопасности ни в своем жилище, ни на улице, ни на работе, гораздо легче держать в узде.

700 тысяч «неприкаянных»

Мексиканцы, жалуясь на свои беды, часто говорят, что они происходят потому, что Мексика слишком далека от бога и слишком близка от США. Эти слова можно отнести и к Сальвадору, отдаленному более чем на полторы тысячи километров от США.

Какой парадокс! Эта маленькая страна, как и ее столица, получившие после прихода испанцев название в честь главного мифологического нравственного героя христианской веры – Сальвадор, Сан-Сальвадор (Спаситель, Святой Спаситель), – стали для людей сущим адом. И они бегут из разных мест, где трудно или невозможно спастись, найти убежище от молодчиков из «эскадронов смерти» и фашистствующей солдатни. Бегут из одного поселка в другой, из одного города в другой, в соседние страны, спасаясь от гибели, голода, лишений. Около 700 тысяч человек вынуждены были покинуть свои родные края. Более 200 тысяч нашли убежище в Мексике и в других центральноамериканских странах.

Немного грустных, если не сказать драматических, цифр. Проведенные различными организациями опросы показали, что 60 процентов беженцев – это дети. Многие из них сироты. Остальные – женщины, старики. Молодежи лишь небольшое количество. 87 процентов – сельские жители. 55 процентов – неграмотные. 98 процентов уже до перемеще-

ния не имели работы. 73 процента не нашли ее в результате переселения.

В Сальвадоре есть лагеря и поселения для беженцев (721 поселение и 31 лагерь). Однако из 700 тысяч человек, покинувших свои места, только 33 процента живут в них. Они страдают от голода, истощения и болезней, питаются лишь тем, что им может предоставить церковь. «Местами медленной смерти» назвала корреспондентка французского еженедельника «Темуаньяж кретьен» эти лагеря.

Тратя 40 процентов государственного бюджета на войну с собственным народом (не считая миллионных дотаций от Вашингтона), сальвадорские власти не раскошеливаются на беженцев. Всю помощь им оказывают международные организации – 26 религиозных и частных благотворительных организаций.

Родившиеся в бедности и вынужденные бежать из своих деревень во внутренние районы и скрываться в лагерях, они живут в ужасающих условиях, ютятся в лачугах из картона, металлолома... Отсутствует всякая медицинская помощь. Их преследует постоянный страх, что с ними могут расправиться бандиты из «эскадронов смерти», любящие делать набеги на их убежища в поисках партизан.

Особенно трагична судьба беженцев из деревень, расположенных вдоль границы с Гондурасом и рискнувших искать спасения от карателей и бесконечных бомбежек в этой стране. На больших участках границы между Сальвадором и

Гондурасом не расставлены пограничные столбы. Это создаст кажущуюся легкость бегства от смерти. На нее польстились свыше 30 тысяч человек.

Однако те, кто бегут, попадают, как говорят, из огня да в полымя. Гондурасские войска их жестоко преследуют. Солдаты врываются в лагеря беженцев, хватают их и передают сальвадорским карателям.

На протесты международных благотворительных организаций по оказанию помощи беженцам правительственные чиновники в Сан-Сальвадоре и в Тегусигальпе дружно заявляют, что стихийно возникающие поселения эмигрантов из Сальвадора в гондурасских пограничных районах – это-де «базы партизанского движения». Власти Сальвадора и Гондураса даже стали обвинять религиозные благотворительные организации в сотрудничестве с партизанами. Достаточно было приютившимся в палатках беженцам из Сальвадора в местечке Ла-Виртуд дать своему поселку имя архиепископа Оскара Ромеро – жертвы «эскадронов смерти», как это было использовано, чтобы отнести их к числу партизан и начать преследовать.

Весьма показательно, что не кто иной, как бывший посол США в Сальвадоре Роберт Уайт, ныне находящийся в опале у Белого дома, посетив один из таких лагерей, заявил на пресс-конференции: «Нелепо считать их партизанскими базами. Там мы видели только женщин и детей». «Конечно, можно предположить, – резонно добавлял американский

дипломат, – что беженцы симпатизируют партизанам, если учесть те ужасы, которые им пришлось пережить в Сальвадоре».

На одну из причин, по которой проамериканские маринеточные режимы Сан-Сальвадора и Тегусигальпы организуют совместную травлю несчастных людей, бегущих от смерти, указал голландский журналист Ян Шмейц, побывавший несколько раз в лагерях сальвадорских беженцев в Гондурасе и беседовавший с людьми, которые, несмотря на все чинимые препятствия и запугивания, стремятся помочь им.

«Многие сотрудники организаций по оказанию помощи, – писал он, – уверены в том, что военные режимы Гондураса и Сальвадора хотят милитаризовать пограничную зону, чтобы атаковать позиции партизан с другой стороны границы между обеими странами». «Эти выводы сотрудников международных организаций, – отмечал он, – подтверждаются присутствием американских военных советников в данном районе, что раскрывает планы милитаризации, осуществляемой в пограничной зоне».

Работавший среди сальвадорских беженцев и хорошо знавший обстановку на сальвадорско-гондурасской границе бельгийский врач Вилье Мейер сказал журналисту: «Они хотят создать санитарный кордон, чтобы атаковать и изолировать партизан, что невозможно сделать при наличии тысяч беженцев».

На протесты со стороны Управления верховного комиссара

ра ООН по делам беженцев власти Тегусигальпы неизменно отвечали: Гондурас-де, в соответствии с имеющимися у него обязательствами, должен принимать участие в борьбе с партизанами в этом районе.

О характерном эпизоде рассказал журнал «Собераниа», издаваемый общественной организацией – Центральноамериканским антиимпериалистическим трибуналом. «Забыв» про границу, сальвадорская солдатня вторглась на территорию Гондураса. Углубившись на пять километров, она вскоре уже маршировала по площади в поселке Ла-Виртуд. Находившиеся там гвардейцы национальной гвардии Гондураса отнюдь не были шокированы столь наглым нарушением государственного суверенитета их республики. Более того, как рассказывал потом один из свидетелей, сальвадорских карателей встретили «как друзей». Никто не помешал сальвадорским солдатам, для маскировки переодевшимся в гражданские одежды, как это они делали у себя в стране, «заступая на дежурство» в том или ином «эскадроне смерти», ворваться в лагерь беженцев (он находился всего в 300 метрах от комендатуры), схватить несколько человек и повести их в сторону границы с Сальвадором. Из семи человек, похищенных в этом лагере, двоих потом увидели повешенными на деревьях, а остальные «пропали без вести». Такие набеги повторялись неоднократно.

Как комментировали эти факты, ставшие достоянием гласности, руководители сальвадорской и гондурасской «де-

мократий»? Примерно словами известного героя юмористического рассказа А.П. Чехова «Письмо к ученому соседу». Этого, мол, «не было, потому что не могло быть никогда». Никогда. Даже если фотообъектив корреспондента местной газеты «Тиемпо» довольно четко зафиксировал карателей Дуарте, беспрепятственно разгуливающих по улицам гондурасского поселка.

Один из сотрудников благотворительной организации «Каритас» говорил: «Возникла абсурдная ситуация – представители американской церкви вынуждены в различных уголках Центральной Америки защищать беженцев от сальвадорских солдат, которым оказывает поддержку правительство тех же Соединенных Штатов». Конечно, абсурдной эта ситуация выглядит лишь на первый взгляд. В действительности же, если все факты выстроить в логический ряд, все тут стоит на своих местах. Белый дом, взявший на свое обеспечение сальвадорских военных, чтобы они таскали каштаны из огня во имя американских интересов в Сальвадоре и воевали против своего народа, судьба беженцев не волнует.

Заметим, что защита сальвадорских беженцев весьма дорого обходится частным американским энтузиастам – священнослужителям. Гондурасская военщина не раз обстреливала машины Евангелического комитета по развитию и социальной помощи, который координирует оказание помощи. Стены домов подобных международных организаций исписываются антикоммунистическими лозунгами. На их

сотрудников совершаются покушения. Так был убит, например, 36-летний Эльпидио Крус, сотрудник уже упомянутой нами организации «Каритас». Его обезображенный труп нашли неподалеку от поселка, где он работал.

Нередко гондурасские солдаты совершают убийства беженцев, не утруждая себя передачей их в руки сальвадорских карателей. Один сальвадорец в лагере, например, убит гондурасским солдатом только за то, что его бумаги были не совсем в порядке. Международные организации энергично протестовали. И что же? Командующий армией «сурово» наказал убийцу. Его заставили в течение нескольких дней... по полчаса бегать вокруг центральной площади поселка.

Фашизм без свастики

Механизм подавления патриотических и демократических сил в Сальвадоре всегда составлял неотъемлемую и наиболее существенную часть его олигархической политической системы, был важнейшим инструментом, при помощи которого поддерживали свое господство привилегированные классы и империализм США. Не случайно именно в таких странах, как Сальвадор, родилось изречение «сидящие на штыках и управлять могут только с помощью штыков».

Классики марксизма-ленинизма говорили, что в определенных исторических условиях не исключается «социальное отчуждение» армии. Так произошло в Сальвадоре.

Идеологическое воздействие империализма на сальвадорское офицерство, его классово-кастовый характер, антипатриотические реакционные традиции, насаждаемые в армии, воспитание, которое эти офицеры несли солдатам и сержантскому составу, соответствующая духовная муштра помогали в значительной степени обрывать нити, связывающие солдатские массы с их социальным прошлым, с классово-принадлежностью.

Сальвадорскому фашизму удалось привлечь на свою сторону и часть средних слоев населения в городе и в деревне, недовольных экономическими трудностями и запуганных клеветой о «коммунистической опасности». Выходцами

из этих слоев, а также из незначительных групп коррумпированных элементов деклассированных слоев населения в значительной степени и укомплектованы все звенья сальвадорского репрессивного аппарата.

Среди политологов, включая и марксистов, в последние годы не прекращается дискуссия о природе фашизма в Латинской Америке. Его принято называть зависимым фашизмом. Спорят о том, верно ли определение «военно-фашистский режим», которое ограничивает классовую основу фашизма и сводит его лишь к милитаризму, говорят о неудачном применении к латиноамериканским странам слова «неофашизм», ибо фашизм в Латинской Америке существует, так сказать, в «первом поколении».

Конечно, фашизм в Сальвадоре имеет свои особенности по сравнению с «классической» моделью, существовавшей в свое время в Германии, Италии и Испании. Германский, итальянский и испанский фашизм имел свою специфическую массовую базу. Сальвадорский фашизм не располагает такой массовой базой, хотя фашистская идеология и настроения получают распространение в определенных слоях буржуазии. Главная сила сальвадорского фашизма – в поддержке американского империализма, что определяет его зависимый характер. Внутренняя социальная база фашизма в Сальвадоре ограничена финансовой олигархией, латифундистами, незначительными группами коррумпированных элементов, одержимых антикоммунизмом и находящихся-

ся под воздействием ультрареакционных взглядов. Отсутствие массовой социальной базы сальвадорского фашизма восполняется военной силой.

Автор, рассказывая о репрессиях в Сальвадоре, об «эскадронах смерти», хотел бы не углубляться в теоретический спор о природе сальвадорского фашизма и акцентировать внимание читателей лишь на том, что дает основание назвать сальвадорский режим фашистским. В первую очередь, помимо ряда других признаков, на разгуле террора и насилия. Для меня жестокие карательные акции против мирного населения, трупы на улицах сальвадорских деревень и городов, истязания женщин, детей, стариков – это фашизм. Тот самый «обыкновенный фашизм», о котором рассказала талантливая лента кинорежиссера Михаила Ромма. Тот самый фашизм, который довелось познать в годы второй мировой войны миллионам людей в нашей стране и в Европе.

Замечу, что в свете фашизации Сальвадора мне представляется уже не случайным, что еще идейный отец нынешних сальвадорских убийц, установивший режим фашистского типа, генерал Эрнандес Мартинес не скрывал своих симпатий к фашистским державам и что Сальвадор был единственной страной Американского континента, присоединившейся к «антикоминтерновскому пакту».

Нынешние весьма многочисленные сальвадорские центурионы не носят коричневых рубаш и повязок с паучьей свастикой, черных эсэсовских мундиров с черепами и скре-

ценными костями в петлицах, не вытягивают руки в фашистском приветствии. Однако они – латиноамериканская разновидность штурмовиков, гестаповцев и всякой другой нечисти гитлеровского рейха. И появились они не случайно. Стало правилом, что там, где возникает высокая социальная взрывоопасность, там, где местная реакция и иностранные монополисты имеют все более ограниченные возможности для социального маневрирования, там наблюдается беспрецедентный рост милитаризма со всеми присущими ему последствиями. Всемерно укрепляется репрессивный аппарат. Требования демократии начинают рассматриваться как преступление против национальной безопасности. Политическая жизнь быстро фашизируется, особенно когда у руля государства оказываются, как это часто бывает в латиноамериканских странах, «гориллы» (так к югу от Рио-Гранде окрестили реакционную военщину).

В Сальвадоре, захваченном процессом «гориллизации», с начала 30-х годов сложилась каста военных. Она быстро обрела могущество и годами держала страну в железном кулаке. Сальвадорская армия стала одной из самых мощных военных организаций к югу от Рио-Гранде. Она с годами превращалась в реально правящую силу, своеобразную вооруженную партию, выступающую на политической арене вместе с некоторыми наиболее реакционными партиями. Разумеется, все это всегда камуфлировалось. Десятилетиями создавался целый набор мифов. Укажу лишь на наиболее рас-

хожие.

Аполитичность вооруженных сил. Военные неизменно претендовали на роль «спасителей отечества», «носителей надклассовой национальной идеи». Армия, убеждали генералы, создана лишь «для защиты территориальной целостности и суверенитета республики, для соблюдения законов, поддержания порядка и обеспечения конституционных прав... Вооруженные силы стоят вне политики». Можно ли говорить о каком-то соблюдении законов военщиной в Сальвадоре, учиняющей ежедневные расправы над мирными гражданами? Какой порядок, какие конституционные права защищают бандиты в мундирах, попирающие элементарные человеческие права?

«Армия – спаситель ценностей западной и христианской цивилизации от разрушительной анархии». (Какие ценности цивилизации спасают палачи, убивая ни в чем не повинных женщин, детей, стариков?)

«Армия, ведя боевые действия против партизан, лишь честно выполняет свой долг, защищает большинство народа от террористов». (*«Большинство народа» – это горстка кофейных магнатов и финансовых олигархов, и защищают их от праведного гнева народа.*)

Социальная демагогия и жонглирование революционными фразами всегда были характерны для сальвадорской военщины. Нередко в ее офицерской среде могли даже произносить слово «революция», называя так обычный для Латин-

ской Америки захват президентского дворца представителями той или иной группировки милитаристской верхушки. После этого деятельность предыдущих правительств называлась реакционной (что, кстати, соответствовало действительности), а новые власти демагогически объявлялись подлинно демократическими (что, наоборот, почти никогда не соответствовало действительности).

Пугала ли такая «революционность» олигархию и крупных капиталистов? Конечно же, нет! Каждый раз, когда в резиденции правительства происходила смена караула, после переворота или фарса с выборами, там появлялся лишь очередной приказчик сальвадорской элиты. Если это был какой-либо генерал или полковник – тем лучше для элиты. В его политических симпатиях и антипатиях правящим кругам Сальвадора сомневаться не приходилось. Пещерный антикоммунизм той или иной группировки сальвадорских военных, по очереди бравших бразды правления в свои руки, служил всегда своего рода приемлемой визитной карточкой в глазах сальвадорских толстосумов. Американский политолог Иэйл Фергюсон отмечал: «Латиноамериканская военщина нашла для себя в антикоммунизме уникальный повод для переворотов».

Армейская верхушка Сальвадора имеет тесные экономические и социальные связи с олигархией и новой промышленной буржуазией. Среди генералов и полковников немало выходцев из семей кофейных магнатов и их близких род-

ственников. Сальвадорская элита делала все, чтобы укрепить свои отношения с офицерским корпусом, особенно с его первым эшелоном, с теми его представителями, которые близки ей по своему классовому происхождению и образу мышления. Генерал Карлос Умберто Ромеро, свергнутый в октябре 1979 года, крупный помещик и скотопромышленник, друг бывшего никарагуанского диктатора Сомосы, даже создавал для этой цели специальные аристократические клубы, где офицеры обучали отпрысков богатых семейств верховой езде.

Генералы и полковники на званых вечерах сальвадорской аристократии всегда желанные гости. Разумеется, роль таких приглашенных не сводится к тому, чтобы быть статистами наподобие чеховского генерала на свадьбе. В фешенебельных ресторанах, в роскошных загородных виллах, в кают-компаниях яхт между представителями сальвадорского «бомонда» и «защитниками отечества» за очередным коктейлем устанавливаются весьма прозаичные связи, завершающиеся потом за закрытыми дверями в банковских контролах или в кабинетах той или иной торговой или промышленной фирмы сделками на тысячи и миллионы долларов. Нередко такие сделки можно назвать самыми заурядными взятками. В результате национальное достояние разбазаривается, передается в руки частных лиц, в собственность иностранных монополий.

Олигархия буквально опутала офицерский корпус систе-

мой коррупции, закупила его оптом. Он оказался в руках экономической элиты и послушно выполняет ее волю. «Военные режимы хороши для предпринимателей», – откровенничал еще в 1967 году знаток латиноамериканской политики США, директор института международных исследований при Калифорнийском университете профессор Роланд Хилтон.

Штыки олигархов

Типичная для любого фашистского режима особенность – громоздкий разветвленный аппарат репрессий, политического сыска, разных спецслужб, полчища осведомителей. Вспомним гитлеровский рейх, его гестапо, абвер, СС, особые отряды штурмовиков.

Не исключение в этом отношении и Сальвадор. Такой аппарат формировался десятилетиями в этой стране с тех пор, когда в конце прошлого века «кофейные бароны» начали организовывать устрашающие военные формирования в черных касках, призванные контролировать поведение строптивых крестьян, у которых перед этим отняли землю. Ныне действующий на предельную мощность, он включает в себя национальную гвардию, финансовую, или таможенную, полицию, национальную полицию (городскую и сельскую) и регулярную армию, ВМС и ВВС. Каждая из этих групп выделена в самостоятельный корпус со своей системой тюрем и концлагерей. Их полномочия четко не разграничены, и они подчас дублируют действия друг друга.

Главное звено механизма подавления и главная карательная сила – национальная гвардия. Это отборные головорезы, специально обученные, в том числе и американскими советниками, для боевых действий против «подрывных элементов». Гарнизоны национальной гвардии расположились

во всех городах. (Каждый раз, когда приходится называть этот корпус отпетых негодяев национальной гвардией, который следовало бы назвать антинациональным, возникает внутреннее чувство протеста – разве не кощунство присвоить ему такое название!)

Характерно, что национальные гвардейцы считают себя службой высшего порядка – особыми подразделениями, этатскими сальвадорскими частями СС. И действительно, они пользуются некоторыми преимуществами по сравнению с другими звеньями репрессивного аппарата – национальной полицией, финансовой полицией, которой они дали унизительное прозвище «козлиная борода», регулярной армией.

Национальная гвардия выполняет одновременно функции армии и полиции. Среди ее офицеров немало выпускников военной академии Вест Пойнт в США², американских школ в зоне Панамского канала. Офицерские погоны они потом «отрабатывали», воюя со своими соотечественниками.

Формально национальная гвардия подчинена правительству. Но это только формально. Негласное руководство ею, конечно, осуществляют тузы финансовой олигархии, земельная аристократия, акулы делового мира. Некоторые кофейные магнаты, например, даже содержат в своих поместьях национальных гвардейцев, выплачивая им денежные

² Явное преувеличение. В «Вест-Пойнт» ежегодно принимают лишь 20 иностранных курсантов. Поэтому вряд ли среди офицеров Национальной гвардии Сальвадора могло быть *много* выпускников этой американской военной академии.

вознаграждения. На государственных складах они получают только оружие и обмундирование.

Появление подразделений национальной гвардии в городах и поселках, как правило, сопровождается взрывами, погромами, арестами в помещениях профсоюзов. Национальные гвардейцы захватывают даже религиозные учреждения и помещения. Арестованных они содержат в тюрьмах без суда и следствия. Органы юстиции и не пытаются пресечь злоупотребления, проводить расследования, охранять законность. В большинстве случаев заключенным не предъявляют никаких обвинений.

Старается не отстать от национальной гвардии и таможенная, финансовая, полиция (иначе ее называют полицией министерства финансов). Первоначальной задачей этой полиции было обнаружение подпольного самогонварения в сельской местности. Но это не имело ничего общего с борьбой против алкоголизма. Просто сальвадорские власти выдавали разрешение на производство алкогольных напитков только богатым землевладельцам. А агенты финансовой полиции преследовали и вылавливали всех, кто мог составить им конкуренцию. Прикрываясь борьбой с контрабандой, эти «блюстители трезвости» одновременно охотились за партизанами в пограничных районах (отсюда и название таможенной полиции). ДО прихода к власти Дуарте полиция министерства финансов даже имела свое разведывательное подразделение, насчитывающее сто сотрудников, которое часто

обвинялось в причастности к похищениям и убийствам левых деятелей.

Третья составная часть карательного аппарата – национальная городская и сельская полиция. Формально они отвечают за поддержание спокойствия и порядка в городах и поселках. Их обязанности весьма широки: от выдачи жетонов на парковку автомобилей до оказания помощи армии, ведущей борьбу с повстанцами.

Якобы для изучения проблем преступности в стране и разработки мер по ее профилактике при них был создан «Национальный центр анализа и исследований». В действительности же кабинетами полицейских чинов, посвятивших себя «изучению нерешенных вопросов охраны правопорядка в стране», были устрашающие камеры пыток.

Особый ужас вызывают группы специально тренированных палачей при полицейских участках, название групп звучит весьма символически – «Каин». Нет таких изощренных пыток, к которым бы не прибегали в Сальвадоре современные каины, мучая в застенках своих соотечественников.

В полицейских участках, как в столице, так и в провинциях, нередко берут на «стажировку» мальчишек от 13–14 лет из необеспеченных крестьянских семей. Там из них делают подручных, приучают к жестокости, насилию. Через два-три года для многих из них «учителя», каждодневно наслаждающиеся страданиями своих жертв, становятся кумирами. Из их душ вытравляется все светлое. В результате в зрелый

возраст вступают полностью деформированные личности. Усвоив «уроки» наставников, они получают уже «самостоятельную работу» по избранной «профессии» и с таким же бездушием причиняют страдания невинным людям, попавшим им в руки, испытывая от этого удовлетворение. С помощью осведомителей в сейфах полицейских участков собираются самые подробные сведения о подавляющем большинстве граждан, составляются списки подозреваемых. Чтобы попасть в этот список, достаточно просто доноса недоброжелателя, соседа или оказаться во время обыска того или иного помещения где-то близко, или быть сфотографированным в рядах какой-либо мирной демонстрации, на митинге (все демонстрации, как правило, сопровождаются агентами полиции в штатском, включая полицейского фотографа). Над попавшим в такой список постоянно висит невидимый дамоклов меч расправы. Его могут похитить в любой момент, и он «пропадет без вести».

Одна из активисток повстанцев Ана Гуаделупе Мартинес рассказывала: «У полицейских, которые постоянно ищут и хватают тех, кто участвует в революционном движении, навязчивая идея видеть каждую минуту в любом человеке подозрительного, похожего на того или иного члена революционной организации. И как только эта идея овладевает их воспаленным воображением, сей человек становится объектом слежки, а некоторых даже похищают „для выяснения личности“».

Система слежки за гражданами, организованная в Сальвадоре, напоминает порядки в гитлеровском рейхе. Бюро гражданской регистрации (контора, совмещающая в себе функции загса и паспортного стола) сотрудничает с репрессивными органами, помогает наблюдению за населением, участвуя в сыске.

В соответствии с законом граждане, достигшие восемнадцати лет, обязаны регистрироваться и сообщать все сведения о себе по месту жительства. Порядок в общем-то обычный. Однако в Сальвадоре органы безопасности прибирают к своим рукам все архивы муниципалитетов, получая исчерпывающую информацию. Делается это незаконно. Ведь выдавать какие-либо документы на тех или иных граждан даже по сальвадорским законам можно лишь с санкции прокурора. Другая часть государственного механизма репрессий – регулярная армия и резервисты. Численность правительственных войск, отмечало агентство Ассошиэйтед Пресс, по сравнению с 12 тысячами в 1980 году, составила на лето 1987 года 56 тысяч человек. По сути дела, это оккупационные войска, ведущие под дирижерством США «войну низкой интенсивности», «умиротворяя» свою страну ценой жизней тысяч сальвадорцев. С 1984 года по указанию американских советников армия Сальвадора следует «комплексной противоповстанческой стратегии». Эта стратегия предусматривает ночные рейды небольшими мобильными группами, широкое использование авиации, переброску воинских частей на

вертолетах, круглосуточное патрулирование, сочетание военных операций с «гражданскими действиями» (пропагандистская работа среди населения), «очищение» территории, контролируемой партизанами, насильственное переселение крестьян из «конфликтных районов».

Регулярная армия набирается по призыву на 18 месяцев. Подростков 15–16 лет хватают в деревнях, на улицах, в кино, на стадионах и в прочих общественных местах. Они и составляют основной контингент сальвадорских вооруженных сил. Их подвергают интенсивному обучению и «промыыванию мозгов» и они становятся потом теми, кто по команде офицеров нажимает гашетки пулеметов и спусковые крючки американских и израильских автоматических винтовок, убивая своих сверстников-соотечественников.

Специальный корреспондент итальянской газеты «Република» Саверио Тутино писал, что «солдат, готовя их к карательным акциям, приучают безразлично относиться к всевозможным эксцессам жестокости и аморальности... Они с ужасом рассказывали, – продолжал Тутино, – что кое-кому из их коллег уже пришлось по приказу офицера убивать таких же молодых парней, как они, арестованных на улицах без всякого обвинения».

Под угрозой расстрела бывший крестьянин начинает стрелять в своего же брата. А став единожды соучастниками преступлений, новобранцы оказываются связанными общей виной.

Так возникает замешанная на крови круговая порука. Боязнь возмездия патриотов нередко заставляет недавнего новобранца действовать вместе с отпетыми негодяями, видеть в этом личное спасение. День за днем недавний рекрут превращается в палача, для которого уже нет никакой разницы, кроме арифметической, между убийством одного человека или десятка залпом из американской автоматической винтовки М-16.

Как признавали попавшие в плен некоторые из новобранцев, «они начинали сходить с ума от чудовищного кошмара ежедневных убийств». Однако стоять в стороне от этой кровавой бойни они тоже не могут. Действует принцип «или убивай, или будешь убит сам».

В изданной в Сальвадоре книге «Геноцид и нарушение прав человека» многочисленные свидетели указывают конкретно, помимо вышеперечисленных государственных репрессивных органов, еще на 12 звеньев репрессивного аппарата, практикующих похищения людей и последующую расправу над ними. Специальные службы, их часто любят в Латинской Америке сопровождать эпитетом «информационные», со своими особо оборудованными центрами пыток, имеют военно-воздушные и военно-морские силы, регулярная армия. В место издевательств над похищаемыми превратили Центр обучения пехотных подразделений. Специализируется на похищениях также «Бригада Атлакатль»... Каждая из перечисленных служб располагает находящимися

только в ее ведении тайными кладбищами и местами заключения.

В тюрьмах, которые находятся в столице, их персонал еще действует с некоторой оглядкой. Ведь власти, заискивая перед общественностью западных стран, могут иногда показать той или иной международной комиссии какое-либо «образцовое» учреждение такого рода. Особый же произвол царит в провинциальных тюрьмах. От своего начальства тюремщики получают прямые указания «быть предельно жестокими с заключенными», «доводить их до самоубийства». Сальвадорские законы освобождают при этом полицейские и военные чины от ответственности за ущерб, причиненный заключенным в результате бесчеловечного обращения.

Органы юстиции не пытаются пресечь разгул произвола военщины и полиции, проводить расследования, охранять законность. В большинстве случаев арестованным вообще не предъявляют никаких обвинений. Ни один суд не осмеливается осудить членов сальвадорских сил безопасности за убийства граждан, боясь мести. «Сальвадорская судебная система настолько связана с вооруженными силами, что офицерский корпус стоит над законом», – писала американская «Интернэшнл геральд трибюн».

Законодательная деятельность правых христианских демократов, проводившаяся под руководством и контролем реакционной военщины, способствовала милитаризации всей сальвадорской политической системы. Государ-

ственный терроризм для расправы с оппозицией перешел в широкую практику. Под него подвели и «законные» основания. Уже в 1980–1981 годах власти под давлением военных заново переписали ряд статей уголовного и уголовно-процессуального кодексов. Разумеется, не без подсказки «юристов» из американского посольства.

Особое значение стало придаваться статьям о так называемых «террористических актах». Был издан ряд новых чрезвычайных законов. Вооруженные силы стали фактически над органами правосудия. Им был передан контроль над юстицией. Как раз после этого аресты без предъявления обвинения и применение пыток стали обычной практикой. Даже для детей от 10 лет в 1980–1981 годах были введены паспорта. Революционеры мерещились властям аж за школьной партой.

В 1980–1981 годах были запрещены профсоюзы ряда категорий трудящихся, распущены многие профцентры, отменены коллективные договоры. К «террористической деятельности» стали приравняться практически каждый акт справедливого протеста, инакомыслие и любая форма несогласия с властями. Это делалось и для того, чтобы любой гражданин испытывал неуверенность и боязнь возможных последствий каждый раз, когда он решится воспользоваться каким-либо из прав, формально закрепленных за ним конституцией.

В марте 1980 года был принят так называемый «Декрет

№ 50». Это был один из самых зловещих законов в стране. Он устанавливал специальные процедуры ареста, допроса и осуждения подозреваемых партизан. Декрет позволял арестовывать и держать под стражей в течение 120 дней любого подозреваемого. «Статус подозреваемого» определялся любым доносом, в том числе и сделанным просто по телефону. Аресты производились без ордера прокурора. Арестованный находился в заключении с полной изоляцией без какой-либо возможности связаться с родственниками. По этому декрету произвольные аресты могли осуществляться на основе никем не проверенных «свидетельств» самих сотрудников служб безопасности. «В целях содействия борьбе против партизан» отменялись индивидуальные свободы: свобода создания организаций, передвижения, свобода слова... Этот закон, который послужил основанием для самых разнузданных репрессий, не только противоречил Всеобщей декларации о правах человека, международному документу, под которым стоит подпись правительства Сальвадора, но и грубо попирали конституцию страны.

Офицерская каста

Олигархические круги в Сальвадоре делали все, чтобы вытравить из сознания военных патриотические традиции. Демократически настроенные офицеры изгонялись или физически уничтожались. В высшем командовании неизменно оказывались генералы и полковники, связанные с крупными землевладельцами и финансистами.

После переворота в октябре 1979 года, когда был свергнут диктатор Карлос Умберто Ромеро, «молодых офицеров», провозгласивших программу преобразований, быстро отстранили. Верх взяло реакционное офицерство, тесно связанное с олигархией, с деловыми кругами. Высшее военное командование, контактируя со службами безопасности, «эскадронами смерти», подчинило себе созданный на первых порах Постоянный совет вооруженных сил. 80 процентов его членов оказались представителями реакционеров в армии.

Особое внимание сальвадорские земельные и финансовые олигархи уделяли формированию объединенного генерального штаба, которому с 1984 года было передано стратегическое руководство войной по канонам теории «конфликтов низкой интенсивности». Его возглавил генерал Адольфо Бландон. Другой специфический для Сальвадора военный орган – совет безопасности вооруженных сил, своеобразный мозговой центр всей государственной террористической де-

тельности в стране. В состав этого совета входят высшие военачальники, включая начальника объединенного генерального штаба, министра обороны, его заместителя, командующего ВВС, начальника полиции министерства финансов, начальника национальной полиции и, конечно, шефа национальной гвардии.

Офицерский корпус сальвадорской армии весьма специфичен. Он насчитывает около 700 человек. Их готовят в Высшей военной школе. В рядах курсантов оказываются выходцы в основном из средних слоев. Уже на первом курсе этой школы они погружаются в довольно своеобразный мир. Обретение военной специальности и предстоящее получение офицерских погон почти все сокурсники связывают с надеждой разбогатеть. У них перед глазами многочисленные примеры выпускников школы, которые добились прочного социального статуса и, пользуясь особым положением армии в сальвадорском обществе, сумели обеспечить себе весьма солидный материальный базис, а некоторые даже стать вхожими в дома сальвадорской элиты. То есть в социальном отношении уже в годы учебы они становились по ту сторону баррикады в классовой борьбе, развернувшейся сейчас в Сальвадоре, на которой находятся сальвадорская олигархия, кофейные магнаты и иже с ними.

Определенную роль в сплачивании карателей играет традиция школы, согласно которой каждый выпуск имеет своего президента. Личная преданность ему считается главным

для будущего офицера. Верность же собственно армии, воинскому уставу, конституции, не говоря о патриотизме, о верности народу, стоит значительно ниже в шкале ценностей.

Уже в школе на будущего офицера оказывает негативное воздействие обстановка, погоня за дешевыми наградами за «подвиги» в войне против народа, корыстолюбие наставников, сознательно убивающих в учащихся способность противостоять злу, неправде. К тому же, как правило, выпускники-сокурсники (их иногда называют «танда») бывают сцементированы совместными контрабандными операциями, торговлей наркотиками, участием в коррупции.

Так выпуск за выпуском тиражируются поколения молодых военных, потерянных для демократии, кредо которых – насильственное достижение своих целей путем угроз, расправ, унижения и попрания человеческого достоинства. В своей причастности к машине подавления народа они видят способ получать от жизни все блага, не гнушаясь ничем. Показательно, что сальвадорские офицеры не остановились даже перед тем, чтобы погреть руки на всенародном горе – землетрясении в октябре 1986 года. Они приняли участие вместе с частными предпринимателями в разворовывании средств, поступивших от международных организаций на помощь пострадавшим.

Окончив школу, новоиспеченный офицер попадает в атмосферу безудержного фаворитизма, царящего в офицер-

ском корпусе. При назначении на командные посты учитываются не профессиональная компетентность и деловые качества, а личные связи (прямые или косвенные) с семьями олигархов.

После окончания Высшей военной школы многие сальвадорские офицеры направляются на «курсы усовершенствования» – в различные специальные училища, часть из которых является высшими военно-учебными заведениями, еще сохраняющимися в бывшей американской зоне Панамского канала и находящимися в ведении командования Южного военного округа США. Там им вдалбливается пресловутая доктрина национальной безопасности, в соответствии с которой «верховным интересам нации» якобы угрожают и внешние, и особенно «внутренние враги». По отношению к этим врагам проявлять терпимость, мол, недопустимо. Против них армия и полиция обязаны вести настоящие военные действия.

В более полном объеме, чем в Высшей военной школе, курсантов в американских школах и училищах заставляют штудировать катехизис антикоммунизма. Профессор Калифорнийского университета Брэдфорд Бэрнс так говорил о «грамоте», которой обучают офицеров из стран Латинской Америки пентагоновские наставники: «Они учатся там постигать необходимость борьбы Соединенных Штатов с упрямым коммунизмом в гораздо большей мере, чем необходимость преобразований в собственной стране. По сути дела, в

силу какой-то извращенной логики, преобразования и коммунизм становятся для них синонимами».

Я уже отмечал, что еще в Высшей военной школе сальвадорских военнослужащих усиленно пичкают дурнопахнущей антикоммунистической стряпней, подготовленной по рецептам вашингтонских пропагандистов. Однако и после защита от «тлетворного влияния подрывных коммунистических идей» не пускается на самотек. Специально для этого действует так называемый комитет по печати вооруженных сил. Он занимается «сплочением нации и вооруженных сил для борьбы с левыми террористами». В соответствии с этой задачей комитет превратился в некое информационное агентство при генштабе, стал его пресс-центром и отделом пропаганды министерства обороны.

Школы жестокости

Легенда гласит, что первый звездно-полосатый американский флаг вышила в 1776 году американка Бетси Росс. Этот «Старз энд страйпс» (звезды и полосы), как сами американцы стали называть государственное полотнище США, Марк Твен, патриот и честный гражданин своей страны, осуждавший кровавые расправы, чинимые американскими «джи ай» в годы колониальной войны США с филиппинцами в конце XIX века, иронически предлагал изменить: белые полосы закрасить черным, а вместо звезд изобразить череп и скрещенные кости. Это, по его мнению, более бы отражало агрессивную сущность американского империализма.

Думается, что совет великого американского гуманиста пригодился бы, если бы пришлось шить новое полотнище для нынешней сальвадорской солдатни, которую учат потомки американских вояк, бесчинствовавших на Филиппинах. Ведь когда сальвадорские каратели поднимают над своими казармами и базами бело-голубой флаг Республики Сальвадор, это должно оскорблять достоинство нации. Подручным Пентагона, несомненно, более подошла бы пиратская символика.

Американские учителя, сначала в ранге военных «советников», стали прибывать в Сальвадор еще при Картере. «Их задача, – как писал потом американский еженедельник

„Ньюсуик“, – помочь нарастить силы для крестового похода Рональда Рейгана против левых в Центральной Америке и постараться сделать это с минимальными затратами».

Большинство американских «советников» готовили в Сальвадоре инструкторов из числа местных военнотружущих, преподавая им ускоренными темпами «теорию» и практику кровавых расправ. Затем эти инструктора уже сами обучали карателей. «Советникам» поручено было не ограничиваться лишь военным обучением, но и заниматься пропагандистским «промыыванием мозгов» их подопечных.

Один из ковбойских законов американского дикого Запада гласит: «Сначала стреляй, потом думай». В Сальвадоре американские «советники» стараются научить «стрелять и не думать». А если и «думать», то в примитивных рамках пещерного антикоммунизма.

По ограничениям, введенным конгрессом США «советников» не должно быть больше 55 (В самом деле их число значительно превышало этот лимит). Госдепартамент разъяснял не раз журналистам на брифингах, что американские военные советники в Сальвадоре скорее наблюдатели, что им, мол, даже «запрещено брать в руки оружие». (Когда как-то один американский полковник с винтовкой М-16 неосторожно попал в объектив фотоаппарата журналиста и его снимок был опубликован в прессе, поднялся шум, его грозились публично наказать!)

Однако американские «советники» не только помогают

планировать и проводить операции против партизан, но и сами непосредственно участвуют в боевых действиях. Есть много доказательств прямого участия американских военнослужащих в руководстве боевыми действиями в Сальвадоре. Сальвадорские партизаны не раз записывали радиопереговоры пилотов на английском языке во время бомбардировок мирных поселков, перехватывали команды, даваемые по рации командирам карательных отрядов тоже по-английски.

Все полевые учения сальвадорской пехоты, конечно, проходят под наблюдением этих «советников». На таких учениях отрабатываются операции по прочесыванию сельской местности с применением танков, вертолетов, напалма: приемы уже опробованной во Вьетнаме тактики «выжженной земли». Сальвадорскую военщину обучали применению отравляющих химических веществ против крестьян, распылению с военных самолетов гербицидов, чтобы уничтожить все живое в районах, где действуют партизаны, заражению ядовитыми дефолиантами обширных плантаций сахарного тростника, фруктовых садов, водоемов.

Еще в середине 1979 года Пентагон приступил к осуществлению «панамской программы». В бывшей зоне Панамского канала на многочисленных военных базах США была организована массированная переподготовка офицеров сальвадорской армии. Здесь их обучали обращению с новейшей американской военной техникой, методам подавления «беспорядков», применению слезоточивого газа.

В школы в зоне Панамского канала и в другие особые училища курсантов, как правило, отбирают руководители группы американских военных «советников» после консультаций с резидентом ЦРУ и представителем РУМО (разведывательного управления министерства обороны США) или военным атташе посольства. Удостаивался такой «честь» далеко не каждый, а лишь самые «надежные». Наиболее известной школой была ныне закрытая (30 сентября 1984 года) пресловутая «Школа Америк», располагавшаяся на военной базе США в Форт-Гулике. Этот, по сути дела, институт повышения квалификации палачей прозвали в Латинской Америке «инкубатором диктаторов». За два десятилетия своего существования он выпустил 45 тысяч латиноамериканских военнослужащих. Многие из них потом стали главарями или членами кровавых хунт, шефами секретных служб, руководителями «эскадронов смерти». К моменту закрытия школы из почти 2500 ее слушателей примерно половину составляли сальвадорцы.

«Школа Америк» служила также установлению тесных связей между американскими и латиноамериканскими офицерами, причем последние после окончания учебы быстрее других получали повышения в чине в рядах своей армии. Некоторые из них, отобранные по политическим признакам, приглашались за тем в Соединенные Штаты.

Весьма показательна «наука», которую изучали в стенах «Школы Америк». В программе обучения были: «Осно-

вы ведения антиповстанческих операций в городских условиях», «Способы ведения военной разведки», «Обработка гражданского населения», «Психологические операции»... Немало времени отводилось на знакомство с «Теорией и стратегией коммунизма». И даже... такой дисциплине, как «Аспекты гражданских прав». «Это обучению искусству, как быть милым в отношении народа и одновременно заставлять делать его то, чего он не хочет; как применить силу, не будучи одновременно жестоким», – цинично и по-солдафонски откровенно объяснял бывший командующий Южным военным округом США генерал-лейтенант Наттинг.

В Форт-Гулике сальвадорцев обучали, например, «соблюдению необходимых прав и гарантий, а также уважению индивидуальных гражданских свобод» при аресте партизан, употреблению «несмертельных слезоточивых газов, поставляемых Соединенными Штатами Сальвадору», истории народных восстаний Латинской Америки и «психологическим операциям», цель которых «выглядеть хорошими парнями в глазах общественности».

Еще в 1962 году была открыта Межамериканская полицейская академия, ежегодно выпускавшая до двух тысяч блюстителей порядка. В учебных курсах этой академии – борьба с «подрывной деятельностью», подавление рабочего и демократического движения, приемы расправы с манифестациями, демонстрациями, забастовками.

Впоследствии под эти учебные курсы легла более солид-

ная теоретическая основа. В 1974 году Пентагон уже для всех подобных училищ разработал генеральный план «Альфа». Это был типовой план борьбы с революционным движением в Латинской Америке. Межамериканский совет обороны распространил и его в странах – членах Организации американских государств.

В плане были детально разработаны «операции безопасности», то есть карательные операции. Пентагоновские генералы делили каждую такую операцию на четыре основные фазы: «подготовительная», «очистка» (ликвидация основных партизанских баз и отрядов), «удержание» (ликвидация рассеянных групп и отдельных партизан, недопущение их объединения в новые отряды) и «стабилизация положения» (наведение «политического порядка» в бывшем партизанском районе). Этим планом Пентагон руководствовался и при подготовке офицерского состава сальвадорских вооруженных сил. В соответствии с ним американские «советники» натаскивают сальвадорскую армию на все виды контрповстанческих операций: военные, террористические, диверсионные, полицейские, политические и психологические, призванные если не уничтожить повстанцев, то изолировать их, лишить массовой поддержки.

Для многих военных из Сальвадора, особенно из специальных подразделений национальной гвардии, таможенной и национальной полиции главная «практическая дисциплина» в этих школах – ведение допросов с пристрастием, пыт-

ки, изучение классического наследия американского чемпиона в этом мерзком деле Митрионе. (Дэн Митрионе³ – бывший советник посольства США в Уругвае, был казнен патриотами в 1973 году). Вот один из образчиков наследия этого негодяя, которое усердно штудируют будущие палачи: «Допрос заключенного – это настоящее искусство. Сначала надо сломить его волю. Для этого его нужно унижить, заставить осознать свою беспомощность и полностью изолировать от внешнего мира. Сначала – никаких вопросов. Только оскорбления и избиения. Затем просто избиение в полной тишине. Лишь после этого можно приступить к допросу. Теперь единственным источником боли для него должен стать избранный вами инструмент. Чтобы получить желаемый эффект, боль должна иметь определенный характер, причиняться в одном и том же месте и иметь одинаковую интенсивность»⁴.

Опытные палачи, хорошо усвоившие «науку» Митрионе,

³ Ошибка автора. Сотрудник ЦРУ Дэниел Антони Митрионе, обучавший «искусству пыток» бразильские, а затем уругвайские спецслужбы, был захвачен, приговорен к смерти и казнен уругвайскими городскими партизанами из Движения национального освобождения («тупамарос») в 1970 г.

⁴ Автор цитирует «наставления» Д. Митрионе по русскому переводу книги Джека Лэнггута «Скрытый террор. Правда о полицейских операциях США в Латинской Америке» (М., 1984). Сам Лэнггут при этом приводит соответствующее место из книги кубинского разведчика Мануэля Эвиа Коскульюэлы (работавшего в Уругвае в тесном контакте с Митрионе) «Паспорт 11333. Восемь лет в ЦРУ». В советском издании книги Коскульюэлы (М., 1981) это место дано в другом переводе.

учат курсантов перед допросом особо важных арестованных, от которых надо получить информацию, подвергать их тщательному медицинскому обследованию, чтобы определить их физическое состояние, степень выносливости и не допустить преждевременной смерти. В процессе обучения курсантов подвергают даже избиению. Для приобретения «личного опыта» и чтобы они «вжились в образ истязаемого», им даже показывают на них самих, как надо пытаться. Разумеется, – при «щадящем» режиме.

Получив «дипломы», выпускники таких школ, поднаторевшие в терзании человеческой плоти, проводят «семинары» у себя в стране. Свой «опыт» они передают с использованием «живого материала», которого всегда предостаточно в сальвадорских застенках, тем, кто не удостоился обучения в бывшей зоне Панамского канала.

И здесь рядом с ними оказываются американцы. Как правило, из подразделений печально известных «зеленых берегов». Многие из них раньше воевали во Вьетнаме. Такое обучение, конечно, проводится тайно. Запрещается под страхом смертной казни говорить об участии в нем «зеленых берегов». Однако сведения об этих «уроках» все же просачивались в прессу.

Одновременно Пентагон организовал обучение в США «ударных» батальонов «Рамон Бельосо», «Атлакатель», «Атональ», «Арсе» и других: их солдаты и офицеры проходят специальный 14-недельный курс «науки убивать». Эти батальо-

ны, не столь доблестные в сражениях с партизанами, ведут себя в деревнях и поселках как гитлеровские «эйнзатц-команды» на оккупированной советской территории. В общей сложности уже подготовлено около 50 таких военных формирований, каждое численностью от 800 до 900 человек.

Филиал Пентагона

Массивное бетонное зеленого цвета здание за высокой оградой в центре Сан-Сальвадора, похожее на крепость, построенное словно в расчете на артиллерийский обстрел. У парадного входа вывеска «Посольство Соединенных Штатов Америки». На крыше и в укрытии около входа американские морские пехотинцы. Во дворе сальвадорские национальные гвардейцы. В радиусе нескольких миль – дорожные заграждения, а вокруг круглые сутки циркулируют отряды переодетых наемных стражей в черных очках с зеркальными стеклами, в кедах и теннисках «роллс-ройс». Их прозвали «оперативными акулами»: всегда плавают там, где есть возможность пожить.

Через охраняемый турникет у парадного входа посетитель попадает в оборудованные телеглазами внутренние помещения, каждое из которых заперто массивной дверью с замком, управляемым электроникой. Специальные люди, как разводящие на охране военных объектов, сопровождают каждого прибывшего.

Корреспондент английского журнала «Нью стейтсмен» Джон Пилджер вспоминал после поездки в Сальвадор о том, что один сотрудник службы безопасности американского посольства в Сан-Сальвадоре сказал ему:

«Американский флаг спускается каждый день после захо-

да солнца. Единственное место на земном шаре, не подчиняющееся этому правилу, – наше посольство в Сальвадоре».

Огромное звездно-полосатое полотнище развевается здесь на флагштоке день и ночь. Что бы значило такое отступление от общего распорядка в дипломатических представительствах США за рубежом? Пилджер увидел в нем демонстрацию «опереточной решимости президента Рейгана стать победителем в этой войне», которая, как считает генерал Хейг, бывший госсекретарь США, «по своему значению может соперничать с войной во Вьетнаме».

Обитатели здания-крепости, не очень верящие, что они завоевали «умы и сердца туземцев» хотя бы в центральных районах столицы, вынуждены вести в общем малорадостный образ жизни. Они ездят в автомашинах с двойной обшивкой, в некоторых устроены амбразуры для отражения бортовой атаки. Держать при себе членов семей им не разрешается. Остается только кинофильм по телевизору и еще... публичный дом, который «контролируется» посольскими врачами и сам похож на крепость. Приемы с коктейлями, где необходимо исполнять неприятную обязанность – развлекать деятелей режима, – это просто мрачные попойки.

Но приходится терпеть. Терпеть во имя «борьбы за укрепление демократии» в стране, которой угрожают «террористы, обучаемые и финансируемые Москвой и Гаваной».

Временами можно видеть входящими и выходящими через посольский парадный подъезд людей в офицерских мун-

дирах сальвадорской армии, чаще – национальной гвардии, министров сальвадорского правительства, деятелей из буржуазных политических партий, вызываемых «на ковер» к послу или к чиновнику рангом пониже.

Такое «паломничество» носит, конечно, каждый раз деловой характер. Посол США устраивает протекции и продвигает по службе людей в сальвадорском государственном аппарате, с ним согласовывают различные мероприятия внутриполитического характера. Отсюда, из посольских кабинетов, протянулись невидимые нити в президентский дворец, в объединенный генеральный штаб сальвадорской армии, в политические салоны Сан-Сальвадора, в резиденции наиболее влиятельных представителей сальвадорской элиты. Отсюда, по сути дела, направляются и координируются все крупные политические акции сальвадорских правящих кругов.

Наибольшая активность наблюдается в тех кабинетах, которые связаны с деятельностью Пентагона. Самые частые гости из США в американском посольстве – военная публика. Она регулярно наезжает сюда на всех уровнях. До четырехзвездных генералов и командующего Южным военным округом США. Взяв, по сути дела, в свои руки проведение политики по отношению к Сальвадору, Пентагон превратил американское дипломатическое представительство в этой стране почти в свой филиал.

Выше говорилось, что по ограничениям, введенным аме-

риканским конгрессом, число пентагоновских советников в Сальвадоре не должно превышать 55. Однако в Пентагоне рассудили, что отсутствие разрешения еще не означает запрета. Вопреки этому ограничению создана целая военная структура. Отдел информации ФНОФМ опубликовал документ, из которого явствует: на территории Сальвадора под личным наблюдением командующего Южным военным округом США создано шесть так называемых подразделений «А». В них входят специалисты в области разведки, подрывных операций, связи, легкого и тяжелого вооружения. Им поручено обучение карателей на батальонном уровне. Два подразделения «В» включают советников более высокого ранга, которые руководят всем театром военных действий против партизан. И наконец, подразделение «С». Оно «курирует» непосредственно самое высшее сальвадорское военное руководство. Работая в тесном контакте с коллегами в дипломатических фрахтах, с ЦРУ, представители американского военного ведомства являются «недреманным оком» Белого дома в Сан-Сальвадоре.

Особенно пристально люди Пентагона следят не столько за «потешными петушиными боями» различных буржуазных партий на сальвадорских политических подмостках, сколько за положением в армии, в ее высших эшелонах, за борьбой между различными группировками среди сальвадорских офицеров. Ведь это реальная сила. Контроль над ней – политический контроль над страной.

То, что сальвадорские генералы и полковники делают одно злое дело, вовсе не исключает противоречий, конфликтов и даже ссор между ними, особенно если они – результат неудач в борьбе с ФНОФМ. Едва ли не каждый эпизод почти перманентной драчки в среде сальвадорских центурионов бывает связан с посольством США, с пентагоновскими советниками. Иногда складывается даже впечатление, что, оказывая поддержку то одним, то другим высокопоставленным военным, каждый из которых служит им с неизменной собачьей верностью, они заранее программируют их столкновения, действуя по известному принципу «Разделяй и властвуй».

Ведя такую работу, время от времени пентагоновцы вместе с сотрудниками ЦРУ занимаются перетасовкой кадров в высших армейских эшелонах Сальвадора, толкают различные группировки на союзы между собой, противопоставляют одних другим. Общая направленность всегда остается одна – укрепление в армии реакционных элементов.

Если же гражданские деятели из буржуазных партий чересчур увлекаются имитацией демократической политической борьбы, особенно при подготовке и проведении избирательных спектаклей, то им каждый раз дают понять в весьма бесцеремонной форме, что реальная сила в стране одна – армия, чтобы они не строили каких-либо иллюзий относительно самостоятельности своих ролей.

Эскадроны головорезов

Эмблема смерти – череп, скрещенные кости на листке бумаги и две буквы «Э. М.». Это начальные буквы испанских слов «эскадрон смерти», той самой бандитской организации, о которой мы уже упоминали. Такие листки, на которых нарисован этот примитивный запугивающий символ, сальвадорцы находят на улицах городов и в сельских поселках на обезображенных до неузнаваемости пытками трупах.

Как явление, получившее широкое распространение, «эскадроны смерти» появились в Латинской Америке в 60-х годах вследствие наступления реакции и фашизации, захлестнувшей в эти годы большинство стран континента. Впервые об организациях с таким устрашающим названием заговорили в Бразилии. Начало им было положено подразделением, носившим название «Эскуадрау моторизаду». (С португальского языка это переводится как «моторизованный эскадрон».) Эскадрон был одним из подразделений бразильской полиции. Ей было поручено тогдашним губернатором и начальником полиции Рио-де-Жанейро, отличавшимся крайне реакционными взглядами, осуществлять программу «по обеспечению покоя почтенных и состоятельных граждан».

Чем же обеспечивали эти «стражи порядка» такой покой? Тем, что устраивали облавы на бездомных, беспаспортных, безработных и нищих, на молодых парней, подростков, жен-

щин, стариков. Ночью их вывозили из полицейских участков за город и убивали. Трупы находили на пустырях со следами пыток, иногда полусожженные, чтобы не опознали убитых. Их лица уродовали до неузнаваемости. Кончики пальцев травили кислотой для уничтожения рисунка отпечатков их кожи. Часто жертвы топили в водоемах, в пригородных речушках. Главари «Эскуадрау моторизаду» и стали впервые оставлять свои «рописи» после каждого преступления – бумажки с буквами «Э. М.» и переименовали себя в более соответствующее их деятельности название «эскадрон смерти».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.